

**ОТ ТЕКСТА К
РЕАЛЬНОСТИ:
(НЕ)ВОЗМОЖНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
РЕКОНСТРУКЦИЙ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН**
**Центр истории частной жизни и
повседневности**

**ОТ ТЕКСТА К РЕАЛЬНОСТИ:
(НЕ)ВОЗМОЖНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
РЕКОНСТРУКЦИЙ**

Сборник статей
под редакцией
О.И. Тогоевой,
И.Н. Данилевского

Москва
2012

УДК 94
ББК 63.3
О 80

*Сборник подготовлен при финансовой поддержке РГНФ
(грант № 10-01-00426а)*

Рецензенты:
кандидат исторических наук А.В.Шарова
кандидат исторических наук Г.А.Попова

От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сборник статей / Под ред. О.И.Тогоевой, И.Н.Данилевского. – М., ИВИ РАН, 2012 – 218 стр.
ISBN 978-5-94067-370-5

Сборник статей посвящен исследованию особенностей индивидуального творческого процесса применительно к эпохе Средневековья и раннего Нового времени: проблеме конструирования реальности на основании имеющихся в распоряжении историков текстов источников, верифицируемости полученных результатов, сознательного или неосознанного участия авторов, переписчиков, иллюстраторов текстов в создании «исторической действительности», в ее трансформации в соответствии с различными причинами.

В оформлении обложки использована гравюра Питера Брейгеля-старшего «Осел в школе» 1556 г. (фрагмент).

ISBN 978-5-94067-370-5

© Коллектив авторов, 2012
© Институт всеобщей истории РАН, 2012

M.A. Бойцов

(НИУ ВШЭ,

МГУ имени М.В. Ломоносова)

**Каким московские послы увидели двор
Максимилиана I в 1517 г.,
да и увидели ли они его?***

Посольства великих князей и царей Московских по возвращении из дальних краев сдавали отчеты о своих достижениях и неудачах в виде так называемых статейных списков. Историкам еще предстоит внимательно изучить как общие источниковедческие особенности данного вида бюрократического нарратива, так и то, как он развивался и менялся с течением времени. Конечно, заведомо ясно, что статейные списки, созданные, например, в первой половине XVI в., должны были существенно отличаться от списков, составлявшихся в первой трети XVIII в. – накануне полного

---

* В данном исследовании использованы некоторые результаты научного проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г. Автор глубоко признателен за помощь целому ряду коллег. Только благодаря исключительно любезному покровительству Ю.М. Эскина удалось познакомиться с оригиналом Посольской книги 1517–1518 гг. Точно так же лишь благодаря не менее любезному приглашению Хайнца Нофлатчера автор получил возможность провести поиски в двух инсбрукских архивах. Именно Х. Нофлатчер убедил автора приняться за это исследование и очень помогал его продвижению то библиографической информацией, то копиями важных публикаций, то цennыми замечаниями краеведческого или лингвистического плана. Для ориентирования в тирольских архивных фондах оказались весьма полезны ценные советы Манфреда Руперта, Гертрауды Цайдль и Жозефины Юстиц. Last but not least автор благодарен Даниэле Унтерхольцнер за помошь столь же разностороннюю, сколь и постоянную.

исчезновения данного вида документации¹. Однако как именно накапливались изменения, сколь велика была сила традиционализма, какие новшества приживались, а какие – нет, пока историками не прослежено. К тому же далеко не все зависело от одной лишь смены времен. Внутри любого периода исследователь наверняка отметит немало отклоняющихся друг от друга вариантов, появление которых было обусловлено менявшимися правилами составления посольских отчетов, особенностями индивидуальных стилей их авторов, а также специфическими обстоятельствами, в которых оказывалось то или иное московское посольство.

Специалисты полагают, что статейные списки пришли на смену отчетам предыдущего типа – куда менее содержательным и куда более формальным, лишенным каких бы то ни было занятных подробностей, а потому способным скорее разочаровать сегодняшнего историка, нежели увлечь его. В литературе указывают на первую четверть XVI в. как на рубеж, с которого в московском посольском деле стали использовать статейные списки – и даже называют самый первый из дошедших до нас документов такого рода². Это довольно пространный отчет дворцового дьяка Владимира Семеновича Племянникова³ и его опытного толмача Григория Истомы Малого⁴ об их посольстве в качестве

¹ О примерах самых поздних статейных списков и об их вытеснении новыми видами документации см.: Крылова Т.К. Статейные списки петровских дипломатов (1700–1714 гг.) // Проблемы источниковедения. Вып. 9. 1961. С. 163–181.

² См. подробнее: Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV–начала XVII вв. М., 1994. С. 101.

³ Карьера Племянникова достигла высшей точки в 1528 г., когда он получил чин дьяка при наместнике Пскова, присоединенного к московской державе всего 18-ю годами ранее: Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 21.

⁴ Порой предполагается, что он идентичен тому Истоме, которого Иван III еще в 1489 г. отправил к датскому королю: Там же. С. 116. Однако вероятнее, что тогда речь шла о том «старшем» Истоме, которому нашего Истому имплицитно противопоставляли в качестве «малого», т.е. младшего. В любом случае именно наш

представителей великого князя Василия III к инсбрукскому двору обремененного годами и уже серьезно больного императора Максимилиана I (1459–1519)⁵. Племянников и Истома Малой провели в Инсбруке не так уж мало времени – около месяца – весной 1518 г.⁶. Постулируемый в литературе новаторский характер их отчета является хорошим поводом для того, чтобы внимательнее присмотреться к этому документу и попробовать по мере возможности разобрать характерные черты его содержания и морфологии. Тем самым предлагаемое здесь исследование лежит не в плоскости политической или дипломатической истории, истории дипломатических отношений или межкультурного взаимодействия, а представляет собой некоторый вклад в изучение того, что в современной немецкой историографии обычно называют труднопереводимым выражением *Geschichte der pragmatischen Schriftlichkeit* – историей развития «прагматической документации». Попутно, впрочем, придется коснуться и ряда вопросов, выходящих за обычные рамки данного тематического направления. Что же касается как общего влияния более или менее систематических

Григорий Истома в 1493 или 1496 г. прошел морским путем из устья Северной Двины вокруг Кольского полуострова и вдоль побережья Скандинавского полуострова до Копенгагена. Этот маршрут был в Западной Европе тогда еще совершенно неизвестен: *Herberstein S.v. Moscouia der Hauptstat in Reissen*. Wien, 1557. [S. 125–126]. Истоме Малому уже довелось побывать в 1515 г. у императора Максимилиана, однако лишь в скромной роли гонца: Описи царского архива. С. 113. Согласно Герберштейну, Григорий Истома выучил латынь в Дании. Кроме того, он, вероятно, владел немецким и польским языками.

⁵ Ф. Аделунг ошибочно называет Истому *Ustoma* и столь же неверно называет Вену в качестве местопребывания императорского двора: *Adelung F. v. Siegmund Freiherr von Herberstein: mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Rußland*. St. Petersburg, 1818. S. 96. У М. Мур посол Василия III столь же ошибочно именуется Владимиром Семеновым, поскольку автор приняла отчество за фамильное имя: *Mur M. Die Ostpolitik Kaiser Maximilians I. in den Jahren 1506–1519. (Univ. Diss.)*. Graz, 1977. S. 295.

⁶ Рогожин Н.М. Посольские книги. С. 101, 115, 169.

контактов между императором и великим князем на состояние европейских дел, так и конкретного политического содержания переговоров в Инсбруке весной 1518 г., то они уже достаточно хорошо изучены в литературе и не требуют здесь подробного освещения⁷.

Текст «первого статейного списка», сохранившегося в составе одной из старейших Посольских книг (Илл. 1), очевидно был составлен посланцами великого князя еще на обратном пути из Инсбрука, до их возвращения в Москву⁸. В противном случае Племянников и Истома не были бы в состоянии «сдать» его в самый день своего прибытия, 16 июля⁹. По аналогии с некоторыми существенно более поздними примерами, когда в виде редкого исключения сохранились разные версии одного и того же статейного списка, которые можно сравнить друг с другом¹⁰, вполне

⁷ См., например, из литературы: *Fiedler J. Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vasilij Ivanovic, Großfürsten von Russland, vom Jahre 1514 // Sitzungsberichte der Philosophisch–Historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.* Bd. 43. 1863. S. 183–289; *Uebersberger H. Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts.* Bd. 1. Wien; Leipzig, 1906. S. 1–158; *Weiß S. Kaiser Maximilian I., das Reich, die Erbländer und Europa im Jahre 1518.* (Univ. Diss.). Graz, 1962. S. 92–107; *Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I.: Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit.* Bd. 1. Wien, 1971. S. 308–317 (о контактах еще с Иваном III); Bd. 4. Wien, 1981. S. 174–218; *Хорошкевич А. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в.* М., 1980. С. 77–221; *Hollegger M. Maximilian I. (1459–1519). Herrscher und Mensch einer Zeitwende.* Stuttgart, 2005. S. 174, 215.

⁸ Оригинал: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) Фонд 32, дело 2. Л. 205 об.–219. Текст опубликован в: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851 (далее – ПДС и номер столбца). Ст. 343–356. Качество и особенности этого издания заслуживают отдельного обсуждения.

⁹ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 203. (ПДС, 341).

¹⁰ *Рогожин Н.М. Посольские книги.* С. 159–160; *Лурье Я.С., Мюллер Р.Б. Археографический обзор // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки.* М.; Л., 1954. С. 347–356, особенно С. 348–351.

допустимо предположение, что и в 1518 г. «основным автором» списка должен был стать не первый, а второй человек в посольстве – то есть, Григорий Истома. Вероятно, он мог опираться при этом на какие-то свои записи, возможно, дневникового характера. Впрочем, из тех же более поздних случаев известно, что глава посольства тоже порой фиксировал на бумаге собственные наблюдения, и некоторые его заметки попадали в итоговый отчет. Правда, в статейном списке 1518 г. идентифицировать возможный личный вклад Племянникова не удается. Зато априорное допущение, что первый известный нам статейный список был составлен преимущественно Григорием Истомой, находит косвенное подтверждение в том, что фигура дьяка и переводчика в тексте упоминается весьма почтительно – причем даже там, где в этом, вроде бы, не было особой необходимости. Вторым косвенным указанием в пользу «авторства» Истомы могут послужить многочисленные полонизмы, использованные в тексте. В известных нам обстоятельствах биографии Племянникова не прослеживается никаких связей даже с самым ближним Западом. Жизненный путь Истомы знаком нам и того менее, однако его хорошее, надо полагать, владение немецким и, вероятно, польским языками (еще до того как он выучил латынь), дает основание заподозрить его в происхождении из западно-русских областей, т.е., скорее всего, из Великого княжества Литовского.

Кремлевский дьяк, получивший отчет Племянникова с Истомой, так определил его содержание: «...да дали списокъ, какъ къ Максимиану пріѣхали, и что имъ были встрѣчи и рѣчи отъ Максимиана и отъ его совѣтниковъ, и какъ ихъ Максимианъ отпустиль»¹¹.

Описали ли послы в отчете свой путь от Москвы (а скорее, уже от самого рубежа) до Тироля, остается неизвестным: сохранившийся список их отчета начинается безо всякого вступления с событий вторника 23 марта – с того самого дня, когда Племянников и Истома торжественно въехали в

¹¹ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 203. (ПДС, 341).

Инсбрук: «И за городомъ за полверсты до города въстрѣтиль ихъ моршолок дворной цесаревъ Леонардъ Раубертъ (т.е. Леонхард фон Раубер – М.Б.), да Жигимонтъ Гербенъстенъ (Сигизмунд фон Герберштейн – М.Б.), да докторъ Павель (Пауль фон Оберштайн¹² – М.Б.), а съ ними многіе люди»¹³. Из автобиографических заметок Герберштейна известно, что днем ранее он покинул московское посольство, с которым проделал весь долгий путь, и поспешил вперед – навстречу к императору¹⁴. В тот же вечер он так долго рассказывал Максимилиану о московских впечатлениях, что обремененный годами и хворями государь, заслушавшись его, мирно уснул¹⁵.

Московские послы сумели правильно определить придворную должность Леонхарда фон Раубера и корректно передать ее по-русски (может быть, благодаря известным им аналогиям при польском дворе?), но остается лишь догадываться, насколько ясное представление они имели о смысле академической степени «доктора Павла». Похоже, русские несколько переоценили значение именно этого звания у влиятельного советника Максимилиана венского соборного настоятеля, к тому же ученого и полиглota Пауля

¹² Об этой исторической фигуре см. в первую очередь: Goldinger W. Paul von Oberstein. Ein Diplomat im Dienste Maximilians I. und Ferdinands I. // Festschrift zur Feier des zweihundertjährigen Bestandes des Haus-, Hof- und Staatsarchivs / Hg. von L. Santifaller. Bd. 2. Wien, 1951 (Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Ergänzungsband 2,2). S. 314–326.

¹³ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 205 об. (ПДС, 343). (Передача текста здесь следует оригиналу, а не публикации).

¹⁴ Herberstein S.v. Selbstbiographie // Johannes Tichtel's Tagebuch, Sigmunds von Herberstein Selbstbiographie MCCCCLXXXVI bis MDLIII, Johannes Cuspinian's Tagebuch MDII bis MDXXVII und Georg Kirchmair's Denkwürdigkeiten MDXIX bis MDLIII / Hg. von Th. v. Karajan. Wien 1855 (Fontes rerum Austriacarum 1. Abt.: Scriptores 1). S. 67–396, здесь S. 132.

¹⁵ «... vnd kham gehn Innßprugg zu dem Khaiser / dem mein auß richtung nit allain / sonder die Relation von den Moscouithischen Ceremonien vnd Gebreuchen angenäm waren / Hört mich aines abents vber die gewöhnlich zeit / hintzt der schlaff mit gwalt kham...»—Herberstein S.v. Moscouia. [S. 157].

фон Оберштайна. Во всяком случае, никаких других титулов применительно к нему они не использовали.

При чтении посольского отчета создается впечатление, что приветственная речь «доктора Павла» передана дословно (тем более, что она приводится от первого лица, а не в пересказе). Означает ли это, что при отсутствии диктофонов русские послы обладали великолепно тренированной памятью? Или, может быть, Григорий Истома стенографировал все, что должен был перевести своему начальнику, и эта запись была использована при составлении отчета? Получили ли московиты задним числом из инсбрукской канцелярии точный текст произнесенной речи в письменном виде? Или же послы в своем отчете лишь свободно пересказали основное содержание приветствия, используя обычные в таких случаях стандартные обороты, но при этом стремились создать у великого князя и его бояр впечатление, что речь была зафиксирована совершенно точно? То есть, не придали ли Племянников и Истома своему рассказу *псевдодокументальную* форму – и притом вполне сознательно?

Согласно отчету, Пауль фон Оберштайн задал обычные ритуальные вопросы о здоровье великого князя, о ходе путешествия и о том, не случилось ли с посланцами каких-либо неприятностей по дороге. Посол Владимир Племянников ответил ему весьма достойно, что благодарит Максимилиана и что поездка прошла благополучно. Вопрос о здоровье Василия III он, однако, оставил без ответа – на том основании, что встречавший его Сигизмунд фон Герберштейн сам недавно засвидетельствовал состояние великого князя. Тем не менее, послы выразили готовность лично поведать императору о здоровье великого князя, но для этого им необходимо было увидеть Максимилиана. На сем, согласно статейному списку, обмен приветственными речами был завершен, и московское посольство в сопровождении встречавших двинулось к воротам Инсбрука.

В этом месте рассказа послы подробно описывают не облик города и его жителей, а только порядок, в котором двигалась кавалькада: гофмаршал ехал по правую руку

Племянникова, тогда как «доктор Павел», напротив, – по левую. Истома следовал за Племянниковым в сопровождении Герберштейна (но занял ли он позицию справа или же слева от переводчика, не говорится)¹⁶.

При всей скромной избирательности этого описания у читателя создается впечатление, будто он чуть ли не сам присутствует при обмене речами и въезде послов в Инсбрук. Однако в той же Посольской книге – несколько позже – имеется еще одно место, где Племянников и Истома вспоминают о своем прибытии в Инсбрук. Тогда в Кремле готовились к приему следующего посольства от Максимилиана и при въезде его в Москву хотели учесть детали того, как встречали московских послов в Инсбруке несколькими месяцами ранее. В связи с чем Племянникову и Истоме, очевидно, задали несколько уточняющих вопросов. Полученные ответы (судя по всему только устные: «...да сказывали Великому Князю Володимеръ и Истома...») кое в чем явно отличались от того, что было представлено ранее в отчете. Согласно «статейному списку», приветственную речь произносил один только «доктор Павел», тогда как в новой версии этот эпизод выглядит иначе: сначала Леонхард Раубер спросил от имени Максимилиана о здравии великого князя, и только потом Пауль фон Оберштайн объяснил в своей речи, что он сам и Леонхард являются доверенными лицами императора, которых тот отправил навстречу посольству великого князя, чтобы с почетом принять его¹⁷. Иными словами, наши информаторы не только совершенно по-новому распределили роли между придворными Максимилиана, но не менее радикально переменили порядок их выступлений. Какое же из двух описаний одной и той же сцены следует нам считать «правильным»? Или же вопрос уместнее поставить совсем в иной плоскости: насколько вольно послы всякий раз перенаивчивали свои воспоминания в зависимости от потребности момента? И ведь речь идет как раз о той части статейного списка, которая показалась нам было протоколом, чуть ли не

¹⁶ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 206 об. (ПДС, 344).

¹⁷ Там же. Л. 219–219 об. (ПДС, 356–357).

аудиозаписью события. Выходит, это первоначальное впечатление, внущенное нам авторами отчета, оказывается совершенно ложным, что, конечно, представляет не только эту сцену, но и весь статейный список в новом и притом довольно сомнительном свете. Соблюдение точности в деталях, похоже, не относилось к приоритетам наших информаторов.

Так или иначе, но после встречи «на всполье» в полумиле от Инсбрука возглавляемое Племянниковым посольство проводили до отведенных им в городе квартир. Где именно они находились, можно установить с помощью т.н. *Raitbücher* – счетных книг инсбрукского двора¹⁸. (Илл. 2) 20 апреля булочник по имени Азум (т.е. Эразм) Райнхарт получил 33 гульдена с лишним за то, что он на протяжении 26 дней предоставлял кров части московского посольства – притом не только людям, но и 13 лошадям¹⁹. Еще 15 с лишним гульденов было тогда же выдано за аналогичную услугу некоему Каспару Унтервегеру. У него, однако, остановилась меньшая часть московитской «деградации», судя по тому, что при ней было всего 5 лошадей²⁰. Соответственно имеются все основания заподозрить, что Владимир Племянников, Григорий Истома и Дементий

¹⁸ Подробно о них см.: Riedmann J. Die Rechnungsbücher der Tiroler Landesfürsten // Landesherrliche Kanzleien im Spätmittelalter. Referate zum VI. Internationalen Kongreß für Diplomatik, München 1983. München, 1984 (Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissanceforschung, 35). S. 315–323; Wiesflecker A. Die „oberösterreichischen“ Kammerraitbücher zu Innsbruck 1493–1519. Ein Beitrag zur Wirtschafts-, Finanz- und Kulturgeschichte der oberösterreichischen Länderegruppe. Graz, 1987 (Dissertationen der Karl-Franzens-Universität Graz, 71).

¹⁹ «Asumen Reinhart peckh[er] geben am xx tag / Apprill fur die Moskobitten Stallmiet, Holtz, / herberg, gellt vnd annders auf xijj pherd / xxvj tag lanng Laut seiner quittung / xxxij gulden xl kr. 1 ½ f.» (Инсбрук. Тирольский земельный архив (далее – TLA) Oberösterreichisches Raitbuch. Bd. 66. 1518 (далее: Raitbuch). Fol. 160v).

²⁰ «Casparn Vnnterweger geben am xx tag / Apprill fur die Moskabiten herberg, geldt, / Stallmiet, holtz vnd annders auf v pherdt / xxvj tag Laut seiner quittung / xv gulden xlviij kr. ij s.» (Ibid.).

Племянников (а кроме них, возможно, еще два слуги руководителей посольства) относились именно к этой – меньшей, но дороже обошедшейся группе гостей из Московии.

Оба хозяина относились к числу людей хотя и состоятельных, но отнюдь не высокопоставленных. Каспара Унтервегера в документах то и дело называют Каменщиком, хотя и неясно, являлось ли это обозначение его прозвищем, указанием профессии или же, возможно, как тем, так и другим²¹. Похоже, что Унтервегер не был жителем Инсбрука с рождения: вероятно, он приобрел бургерские права там только в 1514 г.²², потом по какой-то причине утратил их в 1545 г.²³, но в 1548 г. вновь возвратил. У него был дом по сегодняшнему адресу Мариахильфстрасе 10, который хотя и упоминается впервые только под 1536 г., вполне мог быть в собственности Унтервегера еще в 1518 г.²⁴ Предположение это, похоже, подтверждается тем обстоятельством, что примыкающее домовладение (ныне восточная половина двойного дома по адресу Мариахильфстрасе 12) принадлежала самое позднее с 1508 г. никому иному, как пекарю Эразму Райнхарту²⁵. Похоже, что в 1518 г. пекарь этот еще не был даже полноправным инсбрукским горожанином, ведь, судя по всему, бургерские права он приобрел только в 1524 г.²⁶.

²¹ См., например: «Casparn Vnnterweger Maurer...»—Ibid. Fol. 100r; «Casparn Vnnterweger genannt Maurer geben ...» (Ibid. Fol. 340v).

²² Инсбрук. Городской архив. Bürgerbuch der Stadt Innsbruck (далее: BdSI). Fol. 46v. Данное архивное дело сейчас в очень плохом физическом состоянии и выдвигаемое выше предположение делается больше на основании контекста, нежели собственно текста.

²³ Haidacher Ch. Zur Bevölkerungsgeschichte von Innsbruck im Mittelalter und in der beginnenden Neuzeit. Innsbruck, 1984 (Veröffentlichungen des Innsbrucker Stadtarchivs N.F., 15). S. 71 (со ссылкой на: BdSI. Fol. 57r).

²⁴ Die profanen Kunstdenkmäler der Stadt Innsbruck außerhalb der Altstadt / Bearb. von J. Felmayr. Wien, 1981 (Die Kunstdenkmäler der Stadt Innsbruck, 2; Österreichische Kunstopographie, 45). S. 76.

²⁵ Ibid.

²⁶ BdSI. Fol. 75v.

То обстоятельство, что оба дома – Унтервегера и Райнхарта – стояли стена к стене и точно так же соприкасались участки, хорошо объясняет, почему московские послы написали в своем отчете, что их разместили на «подворье», а не на двух различных дворах. Хотя домовладельцы и не отличались высоким положением в инсбрукском обществе, место, где устроили московитов, было весьма хорошо: на самом берегу Инна в нескольких шагах от моста (давшего имя городу), почти сразу за которым с давних пор возвышалась резиденция тирольских князей, которую теперь занимал император. (Илл. 3–4) В какой мере это расположение соответствовало размещению Герберштейна в Москве несколькими месяцами ранее, сказать трудно. Правда, известно, что ему и его людям передали пустовавший дом князя Петра Лобана-Ростовского²⁷, от которого, впрочем, императорский посол в восторг отнюдь не пришел²⁸. (Топографическая симметрия была бы соблюдена полностью, если бы выяснилось, что дом князя стоял в Замоскворечье на берегу реки.) Посольство же, прибывшее в Москву вместе с возвращавшимися Племянниковым и Истомой летом 1518 г., было распределено по разным московским дворам: «имперцы» поселились у князя Василия Стародубского, у влиятельного (хотя тогда еще, скорее всего, не получившего дворянства) придворного Колупая Приклонского и на каком-то примыкавшем к его владению «крестянскомъ» дворе²⁹. (Раздельное размещение оказалось, кстати, в данном случае крайне неудачным: каждый из двух самоуверенных итальянцев из опасения уронить свой личный престиж отказывался идти в дом другого, чтобы там вместе встретиться с советниками великого князя. Поэтому в течение изрядного времени переговоры вообще никак не могли начаться – к величайшему удивлению московитов.)

²⁷ ПДС, 195.

²⁸ «Das Haus war nach Irer gelegenheit guet» (*Herberstein S.v. Selbstbiographie*. S. 121).

²⁹ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 219. (ПДС, 356).

Что происходило на следующий день после въезда Племянникова со товарищи в Инсбрук (то есть, в среду, 24 марта 1518 г.), обойдено в статейном списке молчанием. Само собой напрашивается предположение, что посольство отдыхало после долгого и опасного путешествия. Записи в тирольском «Райтбухе» намекают, напротив, на то, что именно в этот день в Инсбруке состоялся турнир — *rennen und stechen*³⁰. Подготовка к нему велась по меньшей мере с начала марта, поскольку именно с этого времени казна систематически оплачивала расходы на проведение тех или иных работ в «Гербовом доме». (В «Гербовом доме» обычно хранили принадлежности для турниров, а сами турниры проводились перед ним³¹.) Однако поскольку после 24 марта записи такого рода совершенно исчезают, естественно предположить, что долго готовившееся мероприятие состоялось. Утверждение тирольского краеведа Ханса Хёртнагеля, что «этот рыцарский спектакль — последний из устроенных Максимилианом в Инсбруке — предназначался несомненно для московитского посольства»³², весьма вероятно, но чересчур категорично. Ведь турнир мог состояться, например, еще 21 или 22 марта, т.е. ранее прибытия представителей Василия III. Или же он мог

³⁰ «Jacohen Zeller geben am xxiiij tag Marty / fur allerlay Arbeit so er zum Rennen vnd / Stechen In das Wappenhaus gemacht vnd / geben hat, Laut seiner quittung / xv gulden lviiij kr. iij s.» (Raitbuch. Fol. 144v).

³¹ «Valtin Wunsch Seckhler geben am v tag Marti / fur arbeit so er in dz wapenhaus gemacht / und geben hat, Laut seiner quittung / vi guld. x kr. [...] Conntzen Frischeysen geben am xviiiij tag / Marty fur arbeit so er in das Wappenhaus / gemacht vnd geben hat, Laut seiner quittung / i gulden xlviij kr. / Vältin Wunsch Seckhler geben am xviiij / tag Marty fur arbeit so er in das Wappen- / haus gemacht vnd geben haut, Laut seiner / quittung / v guld. xxx kr. [...] Steffan Pleyswer Satler geben am xx tag / Marty fur arbayt so er in kay. Mt. Wapp- / enhaus gemacht vnd geben hat, Laut seiner / quittung / viiiij gulden liiij kr.» (Raitbuch. Fol. 131r, 141r, 142v).

³² Hörtnagel H. Maximilian I. und seine Zeit im Spiegel der Raitbücher // Innsbucker Nachrichten. Nr. 275 (31 декабря 1930 г.). S. 3–5, здесь S. 4.

состояться именно 24 марта, но, так сказать, независимо от приезда экзотических гостей и не обязательно в их присутствии. Однако смягчить высказывание Х. Хёртнагеля, разумеется, вовсе не значит его опровергнуть: вероятность того, что этот турнир с самого начала планировался так, чтобы послы Василия III могли на нем присутствовать, действительно велика. Ведь очень трудно внятно объяснить, почему столь импозантное зрелище потребовалось бы обязательно провести практически накануне прибытия дружеского посольства, но не дожидаясь его появления в городе. Конечно, куда естественнее исходить из того, что императорский двор и инсбрукские бюргеры все-таки получили возможность посмотреть во время турнира не только на подвиги славных рыцарей, но и на необычные одеяния послов из далекой Московии. Но если так, то трудно не удивиться тому, что статейный список хранит по поводу турнира полное молчание.

Как бы то ни было, но уже на следующий день, в четверг 25 марта Максимилиан дал послам официальную аудиенцию. Известный историк русско-австрийских отношений Ханс Юберсбергер считал, что одна из иллюстраций к известному автобиографическому роману Максимилиана «Weißkunig» («Белый король») является изображением именно этого приема³³. (Илл. 5) Его предположение неправдоподобно уже хотя бы потому, что подпись под гравюрой гласит: «Der weyssen Reussen bundt», как в венском экземпляре³⁴, или же «Das ist der weyssen Reussen bundt», как на пробном листе из Штутгарта³⁵, или же просто «Der Reyssen punt», как на сохранившемся эскизе³⁶. Однако, как известно, в 1518 г. между Максимилианом I и Василием III не заключалось никаких договоров. Альтернативная

³³ Uebersberger H. Op. cit. S. 132. Anm. 3.

³⁴ Вена. Австрийская Национальная библиотека. Сvp 3033.

³⁵ Штутгарт. Государственная галерея. Графическое собрание. A 92/ 6578.

³⁶ Ватикан. Ватиканская Апостолическая библиотека. Cvl 8570. Fol. 21г.

датировка изображенного на гравюре события 1515 г.³⁷ походит немного лучше уже потому, что время создания Гансом Бургкмайром гравированных иллюстраций к «*Weisskunig*» обычно определяют «примерно 1515 г.», а не существенно позже. На самом же деле представленная сцена (которую, разумеется, следует понимать не как точное воспроизведение реальности, но как обобщение и визуальный конструкт) относится к той торжественной аудиенции в августе 1514 г., которую Максимилиан I дал московитским послам Дмитрию Ласкиреву и Елизару Сукову в Гмундене и в ходе которой, действительно, был заключен союз между императором и великим князем Московским³⁸.

События же 25 марта 1518 г., таким образом, не получили никакого изобразительного отображения, и нам приходится довольствоваться в данном случае лишь сообщением самих послов. Согласно статейному списку, только в четвертом часу пополудни перед их двором появились императорские советники: некий «Ян Ваншхауберг» (как его называли русские), Сигизмунд фон Герберштейн и «Гертьман Голдекарь» (вероятно, искаженное Хартман Голдекер). Первый поехал справа от Племянникова, последний – слева

³⁷ Так, например в: Der *Weisskunig*. Nach den Dictaten und eigenhändigen Aufzeichnungen Kaiser Maximilians I. / Hg. von A. Schultz. Wien, 1888 (Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses, 6). S. 536.

³⁸ По поводу исторического и искусствоведческого контекста этой гравюры см. прежде всего: *Dodgson C. A German-Russian Alliance in 1514 // The Burlington Magazine*. Vol. 76. 1940. P. 139–144; *Kaulbach H.-M. Trial Sheets for Maximilian I's "Weisskunig" // The Burlington Magazine*. Vol. 137. 1995. P. 313. (В обеих работах приводится литература по теме). О месте договора 1514 г. в широком контексте дипломатии между Востоком и Западом (правда, без углубления в детали) см. теперь: *Roll Ch. Politisches Kalkül und diplomatische Praxis. Zu den Verträgen und Vertragsverhandlungen zwischen Zar und Kaiser im 16. und 17. Jahrhundert // Kalkül-Transfer-Symbol. Europäische Friedensverträge der Vormoderne / Hg. von Heinz Duchhardt und Martin Peters*. Mainz, 2006 (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz, Beiheft online 1). S. 53–62.

от него, а Герберштейн – слева от Истомы, который, как и в первый день, следовал за своим начальником. В этом-то порядке, если верить отчету, они и достигли двора императорской резиденции, которая, как уже упоминалось, находилась совсем недалеко – сразу за мостом. В отчете особо оговаривается, что послы сошли с коней прямо у лестницы, ведущей на крыльце³⁹. Это замечание было для московитов весьма существенным: посланцы хотели подчеркнуть, что сумели не уронить честь великого князя, ведь они спустились с седел не слишком рано, у ворот, как положено подданным, но прямо перед входом во дворец. Понимали ли все придворные Максимилиана эту знаковую систему, сказать пока трудно, но во всяком случае Герберштейн уже был с ней знаком⁴⁰. Дальнейшие действия выглядели, согласно статейному списку, следующим образом. Когда московиты поднялись по ступеням, наверху их встретил гофмаршал Леонхард фон Раубер (и он же, очевидно, повел их в тронную залу). Как только посланцы вошли в «комору», Максимилиан позвал их обоих к руке. Тогда Племянников молвил свое слово о здоровье великого князя и сам спросил императора о его здравии. Услышав имя великого князя, император снял шляпу. Племянников отдал верительную грамоту императору (или, скорее, кому-то из его советников), Максимилиан снова уселся и велел сесть также Племянникову и Истоме. (Авторы статейного списка, пересказывая эту сцену цепочкой коротких предложений, сменяющихся в высоком темпе, забыли сообщить, в какой момент государь поднялся с места: то ли еще при входе послов, то ли, что вероятнее, при произнесении имени великого князя Московского⁴¹).

³⁹ «... и възъѣхали на цесаревъ дворъ, и у лѣсници съ конеї сошли» (РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 206 об. (ПДС, 344)).

⁴⁰ «Zu der Stiegen wollten mich die Dienner, so meines phärdts warteten, nit gar hinzue lassen Reitten, dann soliches allein dem Grosfürsten gebürdt. Ich aber wollt des nit versteen, dranng das Phärdt so nahenndt Ich möchte zw der Stiegen» (*Herberstein S.v. Selbstbiographie*. S. 122).

⁴¹ Так, Василий III встал именно тогда, когда Герберштейн произносил имя Максимилиана: «So palld ich den Maximilian nennte, steet

Усевшись, император открыл и изучил верительную грамоту вместе с Герберштейном, неким «Гардиным Лакруценским» и «бискупом Горгинеским» (Пьетро Пономо, епископом Трентским). Тут мы вправе, разумеется, усомниться, что Максимилиан, как, впрочем, и его советники, могли что-либо сразу в этой грамоте понять: жест был, надо полагать, сугубо церемониального свойства. После демонстративного «исследования» документа, епископ Трентский от имени Максимилиана объявил: «Священнѣйшее Цесарское Величество, Государь нашъ, Наиаснѣйшаго Начальника и Великого Государя всеа Русіи, брата своего дражайшаго, вамъ, величайшимъ послом, велѣль говорити: слышевъ здравіе брата своего дражайшаго, Наиаснѣйшаго Началника, Господа Василіа, Государя всеа Русіи, благодарнымъ и свѣтлымъ разумомъ воспріаль и грамоту его съ любовію пріемлетъ».

Этот элемент церемониала указывал на принципиальную готовность принимающей стороны признать в явившихся чужаках официальных послов (а не, например, купцов или того хуже – шпионов) и начать с ними переговоры. Император велел обоим московитам сесть, причем он прямо разрешил Владимиру держать речь сидя и не снимая шапки: «И Володимеръ отъ Великаго Государя Цесарю рѣчь говориль сидя, а Истомѣ Цесарь велѣль быть сидя же толмачити, и Истома не сѣль, а толмачиль стоя»⁴². И действительно, Истома не мог садиться, пока звучали слова великого князя, произносившиеся от первого лица (как будто сам Василий III присутствовал в зале и обращался к императору). На Племянникова, однако, это правило не распространялось: напротив, у него было право сидеть с шапкой на голове, потому что в этот момент он и представлял собственную персону

---

der fürrst auff [...] vnnd spricht: „wie gesundt ist vnnsrer Brueder Maximilian, Erwellter Römischer Khaiser und höchster Khunig?“ Alls ich den gesundten gelassen anzaigte, Setzt sich dann wieder nider, vnnd hört den ghrues gar aus» (Ibid. S. 123).

⁴² РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 207об. (ПДС, 345).

великого князя, в каком-то смысле даже являлся ею⁴³. Подчеркивание в этом месте полной лояльности переводчика своему государю как раз относится к тем местам, которые подкрепляют предположение, что именно он, скорее всего, и был основным автором отчета. При чтении таких пассажей лучше можно понять цели написания документа: он составлялся явно не только для того, чтобы проинформировать великого князя и его бояр о состоянии дел при чужом дворе и о ходе переговоров. Отчет служил не в последнюю очередь собственной презентации послов: они хотели представить в глазах великого князя в качестве непреклонных проводников его воли и блестителей его чести, всецело преданных ему надежных слуг. Уже по одной этой причине не стоит усматривать в таких отчетах лишь наивное воспроизведение «подлинного хода событий», выстроенных в хронологическом порядке. Напротив, мы имеем дело с рафинированной и целенаправленной стилизацией, авторы которой, однако, вполне сознательно старались выдать ее за якобы протокольно точное и безыскусное отражение происходившего на самом деле.

Вернемся к статейному списку. Выслушав речь великого князя, Максимилиан вновь предложил Истоме сесть (Теперь тот, видимо, подчинился, хотя этого в отчете ясно не сказано). «И велъль избранный Цесарь тому же Петру бискупу говорити». Пьетро Пономо подтвердил, что Максимилиан выслушал слова московского государя и хорошо их понял. Такие же речи он уже слышал от своего посланца Сигизмунда фон Герберштейна. Император, однако, просил Василия III как через послов, так и в грамотах, и иными средст-

⁴³ См. подробнее: Scheidegger G. Von altrussischen Hüten und internationalen Staatsaffären // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum commentarii 1549–1999. Jubiläumsvorträge / Hg. von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002 (Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa, 24). S. 263–283, здесь S. 266–267; Garnier C. Die Macht der Zeichen—die Zeichen der Macht. Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation in der Politik des Großfürstentums Moskau im ausgehenden 15. und 16. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jg. 55. 2007. S. 331–356, здесь S. 348.

вами, заключить мир с королем Сигизмундом; ныне он болезнует и скорбит, что этого все еще не произошло. Он, однако, «хощеть со тщанием тружатися и искати» того, чтобы этот мир все-таки состоялся, «чтобы межи ихъ и кровь христіанська не проливалася, а невѣрные бы тому нерадовалися».

Племянников предпринял попытку передать список только что произнесенной им от имени Василия III речи, но безуспешно. Ему было сказано, что император сначала желает изучить грамоту великого князя и только после этого примет к сведению и текст выступления Племянникова. (Грамота была, действительно, пространной: содержание ее не сводилось к заверению, чтобы адресат воспринял слова посла как слова его господина, а было вполне «политическим», причем автор исходил из устаревшего видения ситуации, что польский король – такой же недруг императору, что и великому князю⁴⁴.) Затем, согласно статейному списку, Максимилиан встал, спустился со своего возвышения, подозвал к себе обоих посланцев и самолично спросил их по латыни, сняв шляпу: «брата нашего дражайшаго, Господа Василья, всея Русії Началника и Государя, как Богъ милуетъ, поздорову ли?». Племянников ответил, что великий государь Василий, милостью Божией «Царь и Государь всеа Руси и Великій Князь, братъ твой добръ здоровъ», а здоровье его было удостоверено императорским послом Сигизмундом фон Герберштейном. Составитель отчета тем самым, во-первых, подчеркнул необычный – выходящий за рамки протокола, как мы бы сказали сейчас, – дружественный жест императора в адрес Василия III, а во-вторых, намекнул, что Племянников и Истома предприняли неофициальную, но смелую попытку ввести в употребление при императорском дворе спорный титул «царь».

Максимилиан, однако, не пожелал заметить такую инновацию; во всяком случае, судя по отчету, он не обратил на нее никакого внимания. Зато он сделал еще один дружественный жест. Император вспомнил, что Василий III (имя которого Максимилиан произнес со всей обычной титулатурой,

⁴⁴ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 166 об.–171 об. (ПДС, 316–319).

но без главного слова «царь») пригласил Герберштейна на охоту («на свою потѣху на поле») «и въ великой чти дръжалъ⁴⁵. Теперь же Максимилиан желает пригласить посланцев великого князя на свою охоту, «и что будетъ отъ нашіе потѣхи брату нашему угодно, отъ соколовъ нашихъ, или отъ собакъ, или отъ иные нашіе потѣхи, и мы то хотимъ къ брату своему посылати. А и вамъ будетъ что угодно отъ нашіе потѣхи, и мы и вамъ за то не стоимъ». После этих слов Максимилиан вновь сел, повелев послам сделать то же самое. На этом аудиенция по сути дела завершалась. Послам оставалось еще лишь «посидеть немнogo» (это выражение нередко встречается в других отчетах) и откланяться. И действительно, уже в следующей фразе отчета говорится, как император отпустил своих гостей, причем назад, на их квартиры, их провожали те же советники, которые несколько часов назад оттуда их эскортировали. Торжественного обеда у императора явно не было, но в отчете почему-то не высказано неудовольствия на сей счет. Более того, не говорится ни слова о том, что хотя бы советники Максимилиана славно попотчевали гостей у них на подворье, а это совсем уж странно.

Из рассказа Герберштейна трудно понять, был ли он почтен торжественным застольем в Москве уже при первом приеме, или только спустя какое-то время⁴⁶. Во всяком случае, тех посланцев Максимилиана, которых Племянников и Истома привезут с собой в Москву, роскошный пир в обществе великого князя будет ожидать сразу же по окончании первой аудиенции⁴⁷.

На следующий день после визита к Максимилиану, в пятницу 26 марта, согласно отчету, у московских послов появился Герберштейн, чтобы забрать список речи Племян-

⁴⁵ Описание этой охоты см. в: *Herberstein S.v. Selbstbiographie*. S. 126–127.

⁴⁶ Idem. *Moscouia*. [S. 136, 139]; ПДС, 196, 211, 217.

⁴⁷ Итальянец в России XVI века. Франческо да Колло. Донование о Московии / Подготовка текста, перевод на русский язык и комментарии О. Симич. М., 1996. С. 27.

никова (или, лучше сказать, самого великого князя)⁴⁸: к тому времени грамоту Василия III, очевидно, изучили уже досконально.

До сей поры «статейный список» производил впечатление добросовестного дневника. Однако теперь обнаруживается перерыв: следующая запись относится не к субботе 27 марта, а только ко вторнику 30 марта. В тот день советники Максимилиана, «Ян Ваншхаунберг», Герберштейн и «доктор Павел», посетили подворье Племянникова и Истомы⁴⁹. В отчете воспроизводится длинная речь «доктора Павла» (опять создающая впечатление точной стенограммы), в которой он, помимо прочего, задавал вопрос, нет ли у прибывших из Москвы с собой еще каких «речей», какие следовало бы донести до императора. Таковых не оказалось, и московиты начали объяснять своим контрагентам, какие препятствия напрочь закрывают путь к примирению с Польшей – всецело по вине польского короля, разумеется. Когда же советники Максимилиана пожелали узнать, на каких условиях великий князь все же согласился бы на мир с королем, посланцы объявили, что они у своего господина «люди молодые» и вовсе не могут знать его помыслов. Перед уходом «доктор Павел» спросил, доволен ли посол, как его здесь кормят и поят, на что Племянников заверил, что «въ ъествѣ и въ питьѣ имѣть великое довольсввіе»⁵⁰.

При чтении отчета создается впечатление, что между пятницей 26 марта (визит Герберштейна) и вторником 30 марта (переговоры с Паулем фон Оберштайном и другими советниками Максимилиана) у послов ничего существенного не произошло – можно даже подумать, что их вообще не выпускали из отведенных им подворий на берегу Инна. Однако это не совсем так, и молчание послов в этом месте статейного списка опять заставляет усомниться как в полноте их отчета, так и в достоверности того, что в нем рассказывается.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 209 об. (ПДС, 347).

⁴⁹ Там же. Л. 209 об.–210. (ПДС, 347).

⁵⁰ Там же. Л. 214 об.–214 об. (ПДС, 352).

Дело в том, что кое-какие события между 26 и 30 марта могут быть до некоторой степени восстановлены – благодаря запискам Герберштейна, а также некоторым архивным документам. В субботу 27 марта, накануне пальмового (вербного) воскресенья, случился спор между императором и его давним (по меньшей мере с 1495 г.⁵¹) советником, доктором обоих прав Кристофом фон Шрофенштайном, бывшим с 1511 г. епископом Бриксенским. Максимилиан хотел на следующий день пригласить гостей из Московии на праздничное богослужение⁵². Однако епископ стал ему возражать, ссылаясь на то, что московиты – схизматики, отчего их нельзя допускать в храм. Хотя в Москве иноверцам обычно тоже запрещали входить в церкви, для Герберштейна сделали исключение: ему позволили прослушать литургию в Успенском соборе Кремля в присутствии великого князя⁵³. Вероятно, Максимилиан хотел в соответствии с обычной логикой дипломатических контактов оказать московитам «симметричную» любезность, – точно так же, как и в случае с охотой. И вот теперь император оказался в непростой ситуации. Пригласить гостей в главный инсбрукский храм он уже не мог – не столько потому, что Инсбрук относится к бриксенскому диоцезу, сколько потому, что именно Кристофу фон Шрофенштайну как главе епископства полагалось на следующий день служить там мессу. Приводить туда московитов вопреки мнению предстоятеля было бы чревато неприятными последствиями. Тем не менее, поскольку императору, видимо, очень хотелось выполнить задуманное, он быстро нашел решение, переехав в свою резиденцию в

⁵¹ Böhmer J.F. *Regesta imperii. XIV. Ausgewählte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493–1519 / Bearb. von H. Wiesflecker, I. Wiesflecker-Friedhuber und A. Schuh.* Bd. 1. Wien; Köln; Weimar, 1990. S. 137. Nr. 1289.

⁵² В ряде работ этот эпизод отнесен к «празднику Пасхи», т.е. к пасхальному воскресению, и тем самым ошибочно отложен на неделю: Uebersberger H. Op. cit. S. 133; Weiß S. Op. cit. S. 95; Mur M. Op. cit. S. 296.

⁵³ Herberstein S.v. *Selbstbiographie.* S. 127–128.

городе Халле, в десятке километров от Инсбрука. Перед тем он повелел Герберштейну, который вспоминает об этом в своих записках, привезти в воскресенье туда же и московитов.

То, что это решение было принято внезапно, в порядке импровизации в самый день 27 марта, подтверждает и краткая запись в «Райтбухе». В ней говорится, что дело шло уже к ночи («*bey der nacht*»), когда скорохода Георга Аэра отправили в Халль – очевидно, в спешке, судя по позднему времени. Поручено же ему было обеспечить на следующий день достаточно рыбы «для московитов». Ауэру пришлось заночевать в Халле, поскольку для возвращения в Инсбрук час был уже слишком поздний⁵⁴.

В пальмовое (вербное) воскресенье 28 марта Герберштайн сопроводил русских в Халль, где они действительно присутствовали на богослужении в капелле при императорской резиденции. Согласно Герберштейну, они даже признались, что им понравилось, как хор пел вполголоса⁵⁵. На этот раз состоялось, судя по всему, и пиршество. Рыбак Ринглер (очевидно из Халля) в тот же самый день получил из императорской казны весьма значительную сумму в 25 гульденов за карпов и щук, которых он доставил (частично, возможно, наловив, а

⁵⁴ «27 Marty / Georgen Awer geschickt am xxvii tag Marty / zum Saltzmayr bey der nacht geen hall von / wegen Visch fur die Moskabitten vnd fur ain / tag stilligen / x kr.» (Raitbuch. Fol. 145r). Упоминание Ауэра среди императорских скороходов (пеших гонцов) см.: Ibid. Fol. 81r.

⁵⁵ «Nach Vernemung der werbung an dem Palmabennt het der Khaiser die Potschafft gern zw khirchen gehabt, damit sy die Ceremonien gesehen hetten. Aber der Bischof zw Brychssen, ainer von Schrouenstein, dazumal zw Innsprugg, khundt das bey sich vnnd seinen Räten nit finden, das die alls Scismaticj in die khirchen sollen gelassen werden. Darumb zohe der Khaiser geen Hall, vnnd beualch mir die Pottschafften auch dahin zubringen. Damit die in seiner Maj. Capellen bey dem Gottsdienst wärn. Die Cantrey sanng mit halber Stim, des Inen ganzt angenämb was zuhören» (Herberstein S.v. Selbstbiographie. S. 132).

частично купив) «для русских»⁵⁶. Необычно высоким расходам можно дать одно из двух объяснений. Во-первых, в Халль могли отправиться не только Племянников и Истома, но и все их спутники. Это означало бы, что заботы Максимилиана в данном случае были не столько о выражении дипломатической вежливости послу и его переводчику, сколько о душах московитов – отчего он и позвал в церковь в праздничный день всю московитскую «делегацию». Объяснение странное и крайне маловероятное – уже хотя бы потому, что в составе посольства наверняка был православный священник, вполне способный проявить необходимую пастырскую заботу. Во-вторых (и этот вариант представляется куда вероятнее), в дворцовую капеллу в Халле доставили всего двух главных членов посольства (или, самое большее, трех – вместе с Дементием Племянниковым), и тогда высокие расходы можно объяснить только тем, что Максимилиан подготовил для московитов изобильный (хотя и постный) банкет, в котором участвовали и многие его придворные. В любом случае крайне трудно представить себе, чтобы 28 марта московские послы не встретили бы императора либо во время церковной службы, либо на банкете, а вероятнее всего, и там, и здесь. Их встреча могла не состояться, если бы Максимилиан тяжело разболелся. Но при всех его хворях последний вариант представляется маловероятным. Во всяком случае накануне, в субботу, он был достаточно здоров, чтобы мгновенно перенести важное для него мероприятие в соседний город. Да и в воскресенье утром он должен был чувствовать себя хорошо, раз отправился в Халль. (Если бы он сгоряча поехал еще в субботу после обеда или ближе к вечеру, не потребовалось бы посыпать гонца на ночь глядя, чтобы передать его волю). Не сам ли император спрашивал у

⁵⁶ «19 Aprill / Michel Rynngler Vischer geben am am xxviiij. / tag Marty fur karpfen vnd hechten vish so / auf die Moskobitter bestellt vnd kaufft sind laut / seiner quittung / xxv gulden xlvi kr.» (Raitbuch. Fol. 160v).

русских, как им понравилось тихое пение хора его придворной капеллы?

Нет никаких свидетельств того, что московиты остались ночевать в Халле: очевидно их после банкета доставили назад в Инсбрук⁵⁷. Краткость этой экскурсии саму по себе, однако, вряд ли можно считать достаточным основанием, чтобы не упомянуть о ней в «итоговом отчете» ни единим словом – особенно, если в ходе ее действительно имело место неформальное общение с императором. Кроме того, во время банкета необходимо было бдительно следить за тем, чтобы не пострадала честь великого князя (а это зависело от характера произносимых здравиц и их порядка, от того, кто и когда вставал при их произнесении и проч.), а если честь государя уронена не была, то имело смысл особо подчеркнуть усилия, предпринятые ради этого его верными, старательными и находчивыми посланцами. Однако ничего подобного, похоже, сделано не было: во всяком случае в тексте отчета – в том виде, в каком он до нас дошел, разумеется, – о поездке в Халль нет ничего. Репутацию послов в данном случае может спасти лишь предположение, что данный эпизод был из их отчета почему-то удален – либо дьяком, переписывавшим их статейный список, либо же другим дьяком – составителем Посольской книги. Однако, и то, и другое представляется маловероятным.

К тому же в статейном списке имеются и другие пропуски подобного рода. После записи о переговорах 30 марта следующая относится только к 19 апреля, когда русские получали уже прощальную аудиенцию у Максимилиана. Тем самым отчет обходит молчанием все, что происходило не только на вербное воскресенье, но даже и на Пасху. Между тем в пасхальное воскресенье 4 апреля Максимилиан пишет повеление выплатить привратнику его резиденции в Халле Генриху Мунтцингеру 15 гульденов (помимо того, что ему уже заплатили ранее) за прокормление медведя, которого «мы» совсем недавно (*jungst*)

⁵⁷ Вопреки мнению: *Uebersberger H.* Op. cit. S. 133; повторенному также в: *Weiß S.* Op. cit. S. 95.

затравили в Инсбруке⁵⁸. Слово «*jungst*» следует в данном случае понимать как «ранее сегодня», потому что такого рода игрища совсем не подходили для великого поста. Более того, и в пасхальное воскресенье медвежья травля не могла состояться ранее окончания праздничной мессы и, вероятно, праздничного застолья, – т.е., скорее всего, уже во второй половине дня. Х. Хёртнагель пытался усмотреть в этом эпизоде еще один пункт (наряду с упоминавшимся выше турниром) «культурной программы» для русских посланцев⁵⁹. Однако и характер действия, и место его проведения (в городе) говорят в пользу того, что было, скорее, грубое развлечение для народа, нежели мероприятие, устроенное для иностранных дипломатов. Отсюда, впрочем, совсем не следует, что и сам император в нем не участвовал: напротив, он пишет о медведе, которого «мы» травили недавно в Инсбруке. Соответственно, и московиты тоже могли присутствовать при травле, которая, возможно, им даже очень понравилась, но вряд ли была организована специально ради них. В любом случае, крайне трудно разделить уверенность Х. Юберсбергера и С. Вайс в том, что травля медведя посреди города и была той самой придворной охотой, которую император обещал послам при их первой встрече⁶⁰. (Во время охоты Максимилиан собирался, помимо прочего, продемонстрировать своих соколов, использовать которых при травле медведя, разумеется, весьма трудно). Обещанная охота, очевидно, не состоялась вовсе, что можно объяснить прежде всего тем,

⁵⁸ «Wir emphelhen Euch mit ernnst, das Ir bey vnnserm Saltzmair / zu hall im yntal hansen Zotten verordent, das Er vnnserm Thorwärtl [по имени Heinrich Muntzinger—M.B.] vnnser Phannhaus daselbst / bezall funffzehn gulden Reinisch, die Er zu vnnderhaltung des Perns, den wir jungst zu ynsprugg / gehetzt haben vber das Ihenn so er von vnnserm Rat vnd haus Camrer zu Ynnsprugg Wolfganganen / Haller darauf emphanngen dargestreckt hat» (TLA. Maximiliana XIV. 1518. Fol. 121r).

⁵⁹ «Außer dem Rennen hat der Kaiser vor Augen der Moskowitter zu Innsbruck einen Bären gehetzt» (*Hörtnagel H.* Op. cit. S. 4).

⁶⁰ *Uebersberger H.* Op. cit. S. 133; *Weiß S.* Op. cit. S. 95.

что император – сам страстный охотник – чувствовал себя, надо полагать, к тому времени уже слишком слабым физически, чтобы сдержать данное им было слово.

Чем еще занимались московиты в Инсбруке, раскрывает нам не их официальный отчет, а сочинение Герберштейна. Согласно его запискам, они прилагали немало усилий к тому, чтобы вербовать для своего государя пушкарей. (Как известно, Максимилиан очень гордился своей передовой артиллерией и всячески заботился о ней). Способ вербовки применялся весьма остроумный, к тому же, видимо, уже успевший себя хорошо зарекомендовать. Хотя московиты и не уделяют женщинам много внимания, – пишет Герберштейн, – русский посол заставлял своих людей днем и ночью ходить по тем дамам легкого поведения, которые ездили вслед за императорским двором. (Действительно, когда Максимилиан путешествовал по империи, за ним, помимо придворных, следовало изрядное число разных дам, которых современники без всяких экивоков называли *Huren* – то есть, шлюхами.) Расчет московитов был на то, что эти женщины были весьма близко знакомы с высококвалифицированными военными специалистами, в которых так нуждалось войско великого князя. Благодаря своей хитрой вербовочной тактике русским удалось за те немногие недели, что они провели в Тироле, завербовать пятерых пушкарей, в конце концов отправившихся через Любек и Ревель в Москву⁶¹.

В остальном русское посольство было предоставлено в Инсбруке, видимо, попечению некоего Ханса Хеглингера, которого «Райтбух» называет *Moskobiter Spenditor*. Из казны Максимилиана ему в четыре приема выдали на заботы о

⁶¹ «Vnnd wiewol die Moscouitter sich der Weiber wenig achten, dannocht vergundt der Pot seinen leuten zw den gemainen diernen, die dem Hoff nachraisten, bey tag vnnd nacht zugeen. Das aber darnmb, damit sy möchten Puxenmaister erfragen. Vnnd erfragten auch funff derselben Person, die sy bestellten, vnnd schickten die nach Lubegg, damit sy nach der See hin geen Refl in Leyflamndt fuern, von dannen in das Moscouitter Lanndt» (*Herberstein S.v. Selbstbiographie. S. 133*).

гостях в общей сложности 75 гульденов. Первая выплата состоялась 23 марта, т.е. в самый день прибытия посольства в Инсбрук, последняя – 16 апреля, всего за три дня до отъезда русских⁶². Как только 19 апреля они покинули Инсбрук, закончились и хлопоты Херлингера. В тот же день он отчитался о потраченных им средствах, вернув в казну из выданной ему ранее суммы немногим более 7 гульденов⁶³. Описанные выше услуги дам полусвета в потраченные им почти 68 гульденов, скорее всего, не входили, ведь деньги предназначались, как сказано в одной из записей, на Speybung – т.е. на угощение гостей. Правда, похоже, гости эти стоили Хеглингеру много нервов, раз еще полгода спустя он затребовал особо 4 гульдена в качестве компенсации за свои труды («sein mue») – и получил их из казны в качестве особой милости государя⁶⁴.

Итак, самая долгая пауза, которую держит статейный список, продлилась со вторника 30 марта до понедельника 19 апреля: в тот день, как уже упоминалось, посольство покинуло Инсбрук и отправилось в сопровождении Герберштейна в Халль, чтобы получить там прощальную аудиенцию у императора. Русские переночевали в Халле (хотя расходы на это в «Райтбух» не попали), и были на следующий день препровождены «доктором Павлом» и Герберштейном к императору⁶⁵.

⁶² «Hannsen Heglinger der Moskobiter Spenditor / geben vom xxiii tag Marty bis auf den xvi / tag apprill auf Ir vnnterhaltung zu vier / Malen Laut vier seiner quittung lxxv gulden» (Ibid. Fol. 160v).

⁶³ «Von Hannsen Heglinger emphanngen am / xviiij tag apprill, so Ime an den funfund- / sibentzig guldin die Ich Ime auf Vnnterhal- / tung der Moßkabiter geben hab vberbeliben / sind / vij gulden xi kr.» (Raitbuch. Fol. 14v).

⁶⁴ «Hannsen Heglinger geben am Vierten tag / Nouember fur sein mue so er mit der Speyß- / ung der Moskobiten gehabt hat, vnd aus / gnade Laut seiner quittung / iiiij guldin» (Ibid. Fol. 325r).

⁶⁵ Согласно итinerарию Максимилиана, составленному К.Ф. Штетлином, император находился 19 апреля в Инсбруке: *Stälin Ch.F. Aufenthaltsorte K. Maximilians I. seit seiner Alleinherrschaft 1493 bis zu seinem Tode 1519 // Forschungen zur Deutschen*

Если верить статейному списку, Максимилиан сразу предложил посланцам присаживаться («и как пришли к Цесарю, и Цесарь велъль имъ сѣсти»⁶⁶). Епископ Трентский, немного посовещавшись с императором (жест церемонialного свойства), обратился к послам с длинной речью от имени своего государя. Суть ее сводилась к тому, что император хорошо понял послание великого князя и вновь призывает Василия III к заключению мира с Польшей. Ради этого он направляет в Москву своих послов (Франческо да Колло и Антонио де Конти), которые будут сопровождать Племянникова и его людей до самой Москвы⁶⁷.

Речь епископа Трентского опять-таки кажется воспроизведенной дословно, хотя в отчете ясно говорится, что на просьбу получить ее текст, послы услышали отказ – дескать, императорские послы сами донесут ее содержание до великого князя⁶⁸. Здесь вновь остается подивиться крепости памяти посланцев, быстроте их скорописи или же их искусству стилизации.

В конце аудиенции Максимилиан лично осведомился, имеют ли послы к нему «еще каковы речи». Племянников ответил в том смысле, что все свои речи он уже до императора донес, но готов, напротив, передать то, что поручит Максимилиан, его брату, великому князю. Тогда Пауль фон Оберштайн вручил послу грамоту к Василию III, еще не скрепленную печатью, чтобы Племянников и Истома могли

Geschichte. Bd. 1. Göttingen, 1862. S. 347–395, здесь S. 382. Однако это представляется маловероятным, если принять во внимание, что Максимилиан подписывал свои письма 15, 16, 18 и 19 апреля в Халле: TLA. Maximiliana XIV. 1518. Fol. 124r; Maximiliana XIV. 1518/1519. Fol. 62r; Maximiliana XIV. 1518. Fol. 14r, 23r, 125r. Только с 21 апреля император снова в своей инсбрукской резиденции: Maximiliana XIV. 1518/1519. Fol. 61r. Из нового итinerария, составленного С. Вайс, также следует, что все время между 13 и 20 апреля император пребывал в Халле: *Weiß* S. Op. cit. S. 408.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 215. (ПДС, 352).

⁶⁷ Текст инструкции обоим посланцам см. в: Fiedler J. Op. cit. S. 276–279.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 218 об. (ПДС, 356).

прoverить ее содержание. (Понятно, что проверять им следовало лишь титулатуру адресата, поскольку обе стороны едва ли не в равной мере опасались ошибок именно в ней). Далее, согласно отчету, Максимилиан поднялся, снял шапку и сам произнес: «Скажите отъ насъ брату нашему дражайшему, Наияснѣйшему Началнику, Господину Василью, всеа Руси Великому Государю поздравленіе и счастіе съ поспѣшеньемъ благочестнымъ на многіе лѣта; а желаемъ ему того, аки своеї сущеї персонѣ». Из уст Максимилиана, которому оставалось жить всего несколько месяцев, такое пожелание звучало, должно быть, особенно проникновенно. Затем император сразу отпустил московитов, которых «доктор Павел» и Герберштейн в прежнем порядке доставили на «их» подворье в Халле. «И въ среду, на третей недѣлѣ по велицѣ дни, Апрѣля 21, поѣхали къ Віене въ суднѣ», – так звучит последняя фраза статейного списка – по крайней мере в версии Посольской книги. Обратный путь либо не был описан послами, либо же при переписывании в статейный список или уже в Посольскую книгу его опустили. То обстоятельство, что на прощание посланцев великого князя щедро одарили одеяниями, деньгами, серебром и прочим⁶⁹, тоже почему-то осталось в отчете безо всякого упоминания.

Хотя Герберштейн называет чуть более раннюю дату отплытия из Инсбрука – уже 20 апреля, – он подтверждает, что оба посольства вместе отправились на кораблях вниз по Инну⁷⁰. Согласно ему же, 26 апреля путешественники сошли на берег в Вене⁷¹. Уже 27 апреля Максимилиан отдал приказ выплатить капитанам судов заранее обещанную им плату в

⁶⁹ Итальянец в России XVI века. С. 21.

⁷⁰ «Ich muesste wider geen Hungern, ward allso zw Innsprugg abgefertigt, den zwaintzigsten Aprillis, sambt der Moscouittischen Potschafft, mit der ich nach dem In vnnd dann der Thunaw ab hintzt geen Wienn gefarn, vnnd die daselbstn gelassen» (*Herberstein S.v. Selbstbiographie*. S. 133).

⁷¹ «26. pro donatis nautis in egressu nauis ad uienam» (*Fiedler J. Op. cit. S. 280*, из счетов по расходам посольства Франческо да Колло и Антонио де Конти).

размере 84 гульденов⁷². Похоже, почтовое сообщение между Веной и Инсбруком было поставлено так хорошо, что император за день-полтора получил донесение о том, что его повеление выполнено, и посланцы как его собственные, так и великого князя уже благополучно доставлены в Вену.

* * *

Столь подробное рассмотрение самого первого статейного списка московских послов позволяет сформулировать следующий заключительный тезис: скучное описание императора Максимилиана I и его двора, вышедшее из-под пера московитов, не имело ничего общего с типичным для Ренессанса интересом как к чужим народам и странам, так и к индивиду вообще и к личности правителя, в частности. Отчет о посольстве был составлен вовсе не с целью удовлетворения любознательности самих посланцев, их прямых начальников или же лично великого князя. Дело шло не об открытии нового, но о подтверждении и укреплении уже хорошо известного. Инсбрукский двор рассматривался под одним-единственным углом зрения: как своеобразное отражение московского двора. Его центральной фигурой был вовсе не император Максимилиан, а великий князь Василий III. Он так же присутствовал незримо на каждой странице отчета, как невидимо возник в тронной зале Максимилиана, когда Племянников произносил доверенную ему речь. Все описание инсбрукских порядков было как по содержанию,

⁷² «Nach dem wir jungst die Reissisch potschafft / so bey vnns an vnnserm hofe gewest ist mit anndern vnnsern Reten von Hall aus auf / dem wasser bis geen Wienn geschickt, dawon wir dann dem Scheffman so sy also / fueret zu fuerlon vierundachtzig gulden Reinisch bestimbt vnd gedingt haben lassn, / Demnach emphelhen wir Euch mit ernnst vnd wellen, das Ir mit vnnserm / Saltzmair zu Hall in Ynntal Johann Zoten verschaffet, damit Er von vnnsern / wegen dem obgedachten Scheffman die angezaigtn Vierundachtzig güldin Rh. / von dem Einkumen vnnfers phannhaus zü Hall entricht vnd bezalle» (TLA. Maximiliana. XIV. 1518/1519. Fol. 2r). Тема этого письма была определена в канцелярии как «Reyssisch potschaft Schefflon».

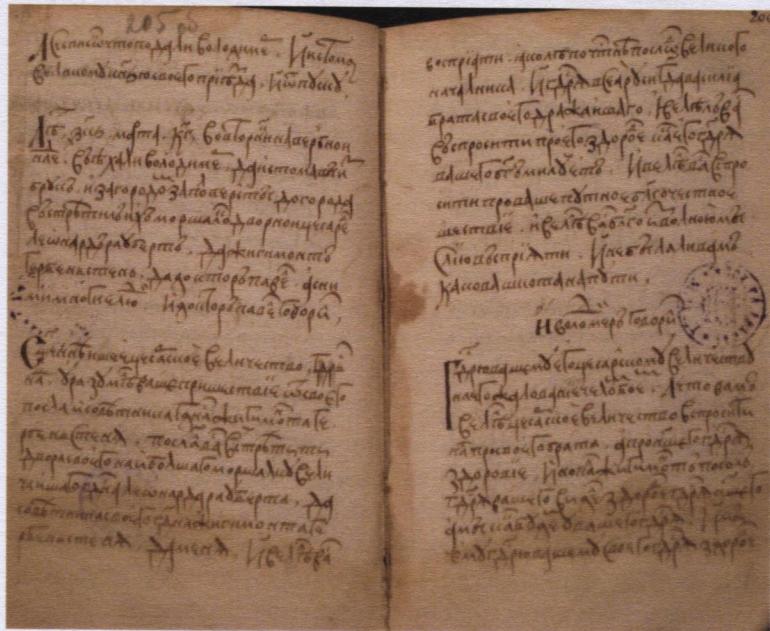
так и по структуре подчинено в первую очередь идею поддержания и укрепления чести московского государя. Во вторую очередь намерение авторов состояло, видимо, в том, чтобы представить читателю в лучшем свете их собственные заслуги – действия верных слуг великого князя. В самом деле, если судить по отчету, и Владимир Племянников, и Григорий Истома тщательнейшим образом следили за тем, чтобы как можно точнее выполнять все данные им поручения. Вероятно, именно по этой причине они избегали упоминания даже о столь важных ситуациях, как, например, неформальных встречах с императором, если не располагали заранее полученными в Москве инструкциями и не могли руководствоваться стандартными правилами. Конечно, в данном случае у нас нет еще оснований утверждать вместе с беглым подьячим Посольского приказа Григорием Котошихиным, что послы пишут «в статейных своих списках не против того, как [на самом деле] говорено, [а] прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое»⁷³. Однако отчет Племянникова и Истомы представляет собой по сути своей не столько изображение императора и его советников, сколько отраженное описание великого князя и его посланцев *при помощи* фигур Максимилиана и его приближенных. Авторы не стремятся ни передать, ни осмысльить черт чужой культуры (или хотя бы чужого двора), но воссоздают собственный мир, врачающийся вокруг оси, где один полюс – это фигура великого князя, а другой – сами авторы в качестве старательных и талантливых исполнителей, преданных государю душой и телом. Наверное, после знакомства с «первым статейным списком» Василий III остался весьма доволен не только своими посланниками, но еще и Максимилианом I, столь старательно соблюдавшим основные нормы московского церемониала. Во всяком случае, именно таким Владимир Племянников и Григорий

---

⁷³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Глава 4, 24.

Истома Малой решили представить своему государю императора Священной Римской империи.

Иллюстрации

Илл. 1. Начало статейного списка Племянникова и Истомы.
РГАДА. Ф. 32. Д. 2. Л. 205 об.–206.

19 Aprilis

Michel Körnpler. Vithet. geben am am 19 April.
tag. manig der Leopolden und Herten wirth. so
auf die Wohlhaber beschrift und bewuft sind. Laut
seiner quittung

ccc. juld ebo. te

Dannen Dreyhinger der Wohlhaber Spender.
geben vom 19 April anwär. bis auf den 20.
tag April auf die Wohlhaber zu Wies
Walter Laut. Vor seiner quittung

ccc. juld

20

Isaacs Leinhart. nach geben am 20. tag
April. für die Wohlhaber. Stalnmet. Holz.
Hornberg. gelbt. und anderes. auf 20. April
ccc. tag kann. Laut seiner quittung

ccc. juld el. teijf

aspar. Untergoer. geben am 20. tag.
April. für die Wohlhaber. Hornberg gelbt.
Stalnmet. Holz und anderes. auf 20. April
ccc. tag. Laut seiner quittung

cc. juld ebo. teijf

Anna Brino. i. l. juld
eij teijf

Илл. 2. Страница из «Райтбух» с записями от 19 и 20 апреля 1518 г. TLA. Oberösterreichisches Raitbuch. Bd. 66. 1518. Fol. 160v.

Илл. 3. Инсбрук. Дома по адресу Мариахильфтрасе 10
(справа) и 12.

Илл. 4. Вид на те же дома с моста через Инн.

*Илл. 5. Ганс Бургкмайр. Прием московских послов
Максимилианом I в Гмундене в 1514 г. (Гравюра, ок. 1515 г.).*

СОДЕРЖАНИЕ

Данилевский И.Н.	
Исторические реконструкции: методологические ограничения	3
Лучицкая С.И.	
«Жизнь Магомета» Эмбрико Майнцского: легенда и история	25
Габдрахманов П.Ш.	
Родословные алтарных трибутиариев аббатства св.Петра в Генте между текстами грамот и регистра	71
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.	
«Как князь Роман жену потерял...»: Родство и власть в истории насильтственного пострижения Рюрика Ростиславича и его семьи	112
Рудаков В.Н.	
Ордынское иго: термин, восприятие, реальность	121
Крылова Ю.П.	
«Нынче всякий упражняется в злословии». Французские придворные поучения XV в. и историческая реконструкция	145
Бойцов М.А.	
Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его?	162
Кошелева О.Е.	
Устрашение детей розгами в русских текстах XVII в.: литературная традиция или реальность?	199

Научное издание

**О текста к реальности:
(не) возможности
исторических реконструкций
Сборник статей**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать 22.10.2012
Формат 60x84/16
Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем – 13,6. Усл. печ. л. Тираж – 150 экз.
Зак. № 666

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А

ISBN 978-5-94067-370-5

9 785940 673705